

Чепига Г.Г. О проблеме Поля в историографии. // Г.Г.Чепига / Святогірський альманах. 2016. Збірка наукових праць. – Донецьк: Видавництво «Донбас», ТОВ «РА «Ваш імідж», 2016. – 208 с.

Чепига Г.Г.

О ПРОБЛЕМЕ «ПОЛЯ» В ИСТОРИОГРАФИИ

В начале своего труда «Историческое описание земли войска Донского» известный историк донского казачества В. Д. Сухоруков поместил следующий подзаголовок: «Описание страны, именуемой в летописях Подем». Так им была выражена идея историко-географической цельности большого степного региона. Действительно, в документации русских приказов XVI—XVII вв. часто встречается этот термин. Однако территория, о которой идет речь, в историографии редко рассматривается целиком, нет согласованности в терминологии. В работах по заселению и военно-земледельческой колонизации приграничных областей Русского государства речь идет, как правило, о части «Поля», территории, прилегающей к изучаемым районам. При этом исследователи вынуждены обращаться к характеристике целого – всего степного региона, с которым граничило на юге и востоке Русское государство.

В данной статье рассмотрены наиболее характерные подходы к освещению истории Поля, прозвучавшие в украинской и русской историографии. Особенностью и составной частью этих подходов является употребление двух, иногда подменяющих друг друга терминов – «Поле» и «Дикое поле». Поэтому в данной статье также проводится анализ контекстов использования в научной литературе этих терминов, определяется их обоснованность, смысловое наполнение.

В упомянутой работе В.Д.Сухорукова «страна Поле» – это территории, смежные с Рязанским княжеством и Северией, которые были подвержены набегам «крыма» и ногаев, «...эти области русские отделялись от обиталища татар пустою, пространною степью, которая шла от южных берегов Волги через Дон почти до Днепра и которая тогда была известна в летописях под названием Поля» [25, с.1]. После набега, писал историк, татары скрывались в Поле, и преследование было еще опаснее самих набегов. Он привёл данные из письма (1538 г.) московского царя о разнообразном наполнении степей того времени: «...на поле ходят казаки многие – казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись ходят... ходят наши люди по своей воле или те, которых посылают сторожить, а азовцы их продают в рабство». Далее по тексту приводятся широко известные данные 1546 года из донесения путивльского воеводы М.Троєкурова: «ныне, государь, казаков на Поле много и черкасцов, и киян и твоих государевых, вышли, государь, на Поле из всех украин» [25, с.3]. Таким образом, Сухоруков понимал протяженность Поля, по крайней мере, от Путивля до Дона. В более широком понимании - между Волгой и пределами бывшего царства Крымского. Казачество им понималось как целостное явление от волжского до днепровского, включая и татарские элементы.

И.О. Беляев в своем также широко известном труде «О сторожевой и станичной службе на польской окраине Московского государства» отметил, что «Польскою украиною Московского государства назывались в наших старинных официальных бумагах границы Северо-Восточной Руси, соседние при-Волжским, при-Донским и даже при-Днепровским степям» [4, с.1], и что сторожи ездили до Крыма, разоряя крымские улусы [4, с.6].

Д.И. Багалеу указал на отсутствие в Поле населённых пунктов, и что польская сторона – это степная, пограничная полоса, прилегающая к приволжским, приднепровским и придонским степям. Для исследования истории Слобожанщины он «взял» пограничье донского и днепровского бассейнов. Как и предыдущие исследователи, он отметил, что эти украинны – продолжение рубежа от Волги до Днепра. Эти территории и составили южную степную окраину Московского государства, где проходила московская государственная

колонизация [3, с.38]. Особое положение по отношению к Полю занимали в ранний период Путивль и Рыльск (Северщина), откуда посылались сторожа и станицы.

Интересен подход Д.И.Багалея к рассмотрению более обширной территории, нежели та, которая была предметом его непосредственного научного интереса. В работе «Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры» он отметил, что Новороссийские степи принадлежали татарам, при этом Крым был защищен степями [2, с.18], что касается Полтавской и Харьковской губерний, то они представляли из себя кочевье и дикое поле. Как он писал дальше, пределы Запорожья с течением времени все более и более распространялись за счет «Дикого поля», татарской степи [2, с.23]. Так историк употребил один и тот же термин в двух различных значениях: во-первых, в привычном для лесостепной зоны, где о диких полях говорилось как о необработанной плугом земле, и, во-вторых, в качестве географического названия, т.е. формирующегося устойчивого выражения по отношению к причерноморским степям.

Он же приводит цитату из Самовидца, где данная местность названа «пустоширокие степи», т.е. для местной лексики более раннего периода выражение «Дикое поле» как собственное название не характерно. В его «Очерках...» данный термин также не встречается. В целом, у историков XIX в., работавших с документальной базой, выражение «Дикое поле» практически не использовалось.

Не характерно оно и для классика истории южных степей А.А. Скальковского. В работе «История Новой Сечи» о территории Северного Причерноморья говорится, что безмерные степи, прилегающие к Дону, Волге и Днепру – обиталище казаков [24, с.8].

В советское время наблюдалась тенденция использования обоих терминов параллельно. Так, В.В. Каргалов один из своих разделов озаглавил «Воеводы в Диком поле», в самом тексте, однако, речь идет о Поле и полевой окраине [15].

А.П. Пронштейн в работе «Земля Донская в XVIII веке» отмечал, что Донская земля была далекой окраиной России на территории Дикого поля до XVIII ст., когда началась её колонизация [23, с5]. Территория «Дикого поля» простиралась от Волги до Днепра, причем именовалась она так после татарского нашествия на Русь, и это была часть просторной степи, на которую никто не претендовал [23, с.23]. Кем «именовалась» – не ясно. Как раз по отношению к XIV ст. для территории степи термин «Дикое поле» себя не оправдывает полностью [17].

Исследователь оборонных сооружений В.П.Загорский уделил особое внимание разграничению терминов «Поле» и «Дикое поле». В своей работе «Белгородская черта» он признал целесообразным употреблять термины «поле», «польские города», следуя документам соответствующей эпохи. Он пояснил, что это не города Польши, а русские города на полевой, степной окраине страны. При этом он отметил, что термины «польские города», «область польских городов» имеют смысл для сравнительно небольшого периода, для пяти десятков лет (конец XVI в.— первая треть XVII в.). Приведем высказывание ученого о полевой окраине полностью: «До этого городов «па поле» не было, были лишь «города от поля», т. е. рядом с полем. А с 30-х годов XVII в. здесь возникают один за другим новые города и сама область перестает быть «полем» в том значении, в каком понимали этот термин русские люди 350—400 лет назад, — слабо заселённой степью. Крайними русскими городами являлись тогда следующие: из северских — Путивль, Рыльск, из украинских — Орел, Мценск, Новосиль, из рязанских — Данков, Ряжск, Шацк. Нетрудно заметить, что линия, соединяющая перечисленные выше города, идет в общем направлении с юго-запада на северо-восток и совпадает примерно с осевой линией лесостепной географической зоны в Восточной Европе. Территория, расположенная к юго-востоку от этих городов, где постепенно кончалась лесостепь, и начинались степи, тогда называлась «полем»». Далее в подстрочнике следует пояснение, почему ученый отказался от употребления понятия «Дикое поле», которое достаточно часто употреблялось в литературе для обозначения южной степной окраины России: «Под «диким полем» в документах XVI—XVII вв. понималась

просто нераспаханная целина, причем участки «дикого поля» могли находиться даже среди хорошо освоенных земель в любом районе России» [12, с.20].

В работе «Изюмская черта» В.П.Загоровский повторил тот же тезис, несмотря на то, что рассматриваемая им территория находилась значительно южнее и не входила в указанную им хронологию существования городов на Поле. Новопостроенные города на Поле включались также в Белгородский полк [13, с.28]. Интересно отметить, что к этому времени (вторая половина XVII в.), по наблюдению ученого, земли южной части полевой окраины, между городами Белгородского разряда и поселениями донских казаков, где «находились обширные фактически незаселённые территории», сдавались жителям края в виде «ухожьев» или «юртов» для рыбной ловли, сбора меда диких пчел, добычи пушных зверей». Наибольшее развитие ухोजьи получили в бассейнах Дона и Северского Донца [13, с.30]. В этом случае заслуживает внимания наблюдение о срединном положении Поля.

Таким образом, В.П.Загоровский признал необходимым отказаться от термина «Дикое поле» из-за его несоответствия исторической реальности изучаемого периода и во избежание путаницы, т.к. дикими полями называли не открытое пространство, доступное для кочевников, а то, до которого, условно говоря, «не дошли руки». Еще одна особенность – «Поле» называлась в документах не только степь, но и лесостепь.

После 1991 г. традиция параллельного употребления рассматриваемых терминов с содержательным упором на документальные источники, характерная для советского времени, некоторое время сохранялась. На современном этапе развития украинской историографии проявляется тенденция «Дикое поле» употреблять не только как художественный оборот, но он превращается также в историко-географический термин. Это обстоятельство фиксируется в словарях и научных трудах.

Так, в терминологическом словаре определяется, что Дикое поле – «доволі широка смуга між Кримським ханством і Литовським князівством (з 1569 р. - Річчю Посполитою), на яку не поширювалася нічия влада. За словами одного з кримських ханів, висловленими в листі до великого князя литовського (початок XVI ст.): «То земля не моя і не твоя, лишень Богова». А земля ця буяла від розкошів рослинного світу і багатства світу тваринного». В данном случае имеется в виду Поднепровская степь, куда на начало XVI ст. входила и лесостепь- часть Киевщины, а также вся Полтавская область [11].

В «Энциклопедии истории Украины» в статье В.О.Щербака «Дике поле» дано следующее описание данного понятия: «істор. назва незаселеної тер. степу між Дністром на зх. і середньою течією Волги на сх. Термін «Дике поле» виник в 15 ст., коли розпочалася військ.-трудова колонізація цього регіону козацтвом. Сучасники подій — Михалон Литвин, Б. де Віженер, київ. католик. Єпископ Й.Верещинський — писали про небачені природні багатства степових просторів та дніпровського басейну. Їх освоєння козаками відбувалося в умовах безперервної боротьби з нас. татар. улусів (див. Ногайська орда, Кримські татари). З посиленням соціального гніту до Д.п. тікали тисячі селян, які заводили тут власні г-ва й оголошували себе вільними людьми. В 2-й пол. 18 ст. після освоєння козацтвом степу аж до Чорного м. (див. Вольності Війська Запорозького низового; Область Війська Донського) термін «Дике поле» вийшов з ужитку» [29].

По сравнению с досоветской историографией авторы расширили пределы «Дикого» Поля до Днестра, и снова в большей степени имеется ввиду среднее Поднепровье. Статья не дает ясности о том, использовали ли вышеназванные иностранцы именно этот термин, и кто его употреблял, после чего он перестал использоваться в 2-й пол. 18 ст.

Исследователь средневекового периода Украины Ю. А. Бутенко поместил то же понятие в название своей книги «Дикое Поле в период раннего средневековья (середина V -середина XI вв. н. э.). В предисловии он указал, что данное название территории, где обитали кочевники в эпоху средневековья не научно, но популярно, поэтому автор находит возможным его использовать [7, с.7]. Особенность данного утверждения состоит в том, что сам термин автор употребил по отношению ко времени, когда степи были заселены кочевниками, считавшими эти территории своей родиной. Следовательно, это попытка

вести собственное название степному Причерноморью, независимо от исторического периода.

Тот же термин продолжает употребляться в современных научных работах, посвященных истории Слобожанщины. Так, отмечается, что в XVI–XVII ст. на Дикое поле претендовали и Россия и Речь Посполитая (в Подонцовье), «Таким чином, Слобожанщина, як один з кількох регіонів України, утворилась протягом XVII–XVIII ст. на роздоріжжі «Дикого степу» між непевними політичними кордонами трьох держав – Московії, Речі Посполитої та Кримського ханства» [26, с.17]. Заметим, что понятие «Дикий степ», как и «Дикое поле» является тавтологией.

В диссертационном исследовании «Южное порубежье Российского государства в конце XVI - XVII вв. – (на примере Среднего Поосколья)» автором, так же как и его предшественниками, изучавшими тот же регион, был поставлен вопрос о необходимости обобщающего термина. Приведем один из тезисов автора диссертации С.С.Кушнарера: «Формирование природно-географического региона дает возможность местному сообществу выработать топоним, относящийся ко всей его территории. В данном случае таким топонимом выступает «Поле», как название степных и лесостепных участков южнорусских территорий, не имевших постоянного населения и четких административных границ». С.С.Кушнерев впервые поставил вопрос не только об обобщающем географическом термине, но и о специфическом хозяйственно-культурном облике Поля: «Сюда мы относим колонизацию (заселение и хозяйственное освоение территории), приспособление переселенцев к новым природно-климатическим условиям, внедрение новых типов хозяйствования, нашедших отражение в новых формах землевладения и землепользования» [19, с.30].

В российской современной историографии преобладает тенденция отказа от термина «Дикое поле». В книге современного белгородского исследователя А.И.Папкова «Днепро-Донская лесостепь как этноконтактная зона: Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство» отмечено, что южная часть российского пограничья - это так называемые Северская и Польская Украины России (Днепро-Донская лесостепь, а ныне территория Курской, Воронежской и Белгородской областей Российской Федерации, а также частично Харьковской, Полтавской, Донецкой и Сумской областей Украины) [21, с.9].

Он указал, что данная территория являющаяся современным Центральным Черноземьем, в российских документах конца XVI — первой половины XVII вв. именовалась «Подем» или «Польской Украиной». Русские источники прочно закрепили наименование «Поле» за степными пространствами, располагавшимися между ордынскими владениями и русскими землями, также историк писал: «в литературе достаточно убедительно показана неправомочность употребления словосочетания «Дикое поле» по отношению к рассматриваемому региону. «Диким полем» в XVI—XVII вв. обозначалась нераспаханная земля, целина, где бы она ни находилась. С меткой руки Конрада Буссова этот термин («wilde Feld») стал использоваться историками как географический» [20, с.107; 21, с.11]. О геополитическом положении Подонцовья в книге сказано, что «лесостепные пространства, расположенные между Днестром и Доном, не являлись местом постоянного обитания крымцев. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой бассейн Северского Донца и других притоков Днестра и Дона, но рассматривали эти земли как часть Крымского ханства. Они постоянно здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий» [21, с.71].

В том же ключе рассматривают проблему «Поля» и другие российские историки. Так, М.Ю. Зенченко отметил, что после распада Большой Орды в начале XVI в. эти земли превратились в своего рода «нейтральную» территорию, не занятую никаким государственным образованием. Ни одно граничащее с «Подем» государство (Россия, Речь Посполитая, Крымское ханство, Ногайская Орда) на протяжении XVI в. не вело военных действий, направленных на установление исключительного военного или политического контроля над этими территориями. Новые горда (Белгород (1596), Валуйки (1599), Воронеж

(1585), Елец (1592), Курск (1596), Ливны (1596), Старый Оскол (1596), Царев-Борисов (1600) были возведены на территориях, лишенных коренного населения, что позволяет исследовать процесс формирования новых административных единиц. Он также указал, что «Поле» - степная зона современного Центрального Черноземья [14].

В то же время Н.А. Комолов в работе «Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы», посвященной также формированию административных единиц отметил, что в XVI в. территория современного Центрального Черноземья являлась составной частью «Поля» – обширного пространства с неопределенными границами. В конце XVI в. на «Поле» возникли города-крепости, вокруг них постепенно складывались уезды, которые делились на станы. Эта двухчленная территориальная структура: уезд–стан просуществовала до губернской реформы Петра I. Следующий этап на этом пути - в ходе строительства Белгородской оборонительной черты в 1635–1658 гг. основываются новые города, формируются их уезды, границы «Поля» отодвигаются все южнее [16, с.7].

Пристальное внимание изучению обстановки на «Поле» уделялось на Руси, начиная со второй половины XIV в., заметил В. А. Волков в книге «Ратные подвиги Древней Руси» [8, с.560]. Были составлены точные инструкции, обязательные для всех посылаемых на службу в «Поле» сторожей и станичников. Возвращающиеся станицы сообщали подробные сведения о ситуации в «Поле» [8, с.565]. В отличие от сторожей, охранявших определенный участок степи, станичные разъезды вели наблюдение за всем прилегающим к русскому рубежу степным пространством, следуя предписанными им маршрутами [8, с.568].

А.Г.Чепухин в отношении «полевых» названий продолжил традицию В.П.Загоровского и А.И.Папкова, повторив тезис об иностранном происхождении понятия «Дикое поле» и о том, что название «Поле» имеет документальную основу. В исследовании истории порубежного города Валуйки он также, как и предыдущие авторы, указал, что «Поле» это территории, географически находящиеся между Днепром и Доном (современное Центральное Черноземье), граничащие с северскими, рязанскими и мордовскими землями на севере. Автор представил западноевропейские карты: 1613–1614 гг., где эта область обозначена «Crimea, Sev Tartaria», и середины XVII в., где она показана в составе Московии под названием «Oscaina Dikoia Pole». Автор также дал вариант географического положения Поля: на юге область соседствовала с приазовскими степями Крымского ханства, на юго-востоке — с землями донской казачьей вольницы, на западе — с украинскими владениями Речи Посполитой [27].

О межгосударственном положении Поля О.А. Курбатов в статье «Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг.» выразил мнение, что «станичная и сторожевая служба — по сути, регулярная дальняя разведка вглубь «ничейной» территории (Поля), откуда ожидалось нападение татарских отрядов» [18].

Отдельное мнение высказал М.С. Полубояров в статье «О терминах «Дикое поле» и «Засечная черта»». По его мнению, зачинщиком традиции «Дикого поля» был Г.Штаден: «Г.Штаден имел в виду именно дикость, отсутствие закона, власти, установленного порядка. Не случайно в современном немецком языке существительное *Wilde* переводится и как «дикарь», и как «нелегал»; незаконное сожителство – *eine wilde Ehe* (дословно: «дикий, незаконный брак»). Иными словами, в понимании Штадена *wilde Feld*, безусловно, значило «поле, где отсутствуют нормы цивилизации, нет закона». Поэтому словосочетание «Дикое поле» более ёмко, по сравнению с существительным «Поле», оно характеризует первобытное состояние, безвластие, отсутствие закона. Следовательно, по мнению автора, В.П. Загоровский напрасно отказался от термина «Дикое поле» [22].

Небольшой экскурс в историю вопроса упоминания «Дикого поля» в источниках иностранного происхождения может показать бытование этого понятия в динамике.

Генрих Штаден, немец из Вестфалии (род. около 1542 г.), приехав в Россию, был взят толмачом в посольский приказ, кроме того занимался меховой торговлей и другими выгодными делами. Являлся опричником, т.к. его старицкие поместья взяты были в опричнину. Г. Штаден составил свое описание Московии, а также проект военной

оккупации северных областей страны. Около 12 лет (с 1564 по 1576 г.) Штаден прожил в Московском государстве; из них около 6 лет провел в «опричнине». Понятие «Дикое поле» встречается в его работе в следующем отрывке: «Пути (Pasasie) или дороги на Москву крымского царя Девлет-Гирея. Сперва по дикому полю, затем подходит к Великому Дону, на Конские воды, далее в Рязанскую землю, к Донцу и крепости Туле. Отсюда у него три дороги на Русскую землю» [28].

Другой немец на службе Русского государства и упоминаемый в приведенных выше работах – Конрад Буссов. Родился в Лüneбургском княжестве в 1552 г. Приехал в Россию в 1601 г., участвовал в событиях Смутного времени, которые описал в «Московской хронике». После службы в Ливонии у различных государей и владетельных лиц занимал пост начальника среди иноземных наемников. Один из эпизодов Смутного времени он описывал следующим образом: «Путивляне тотчас же послали в Дикое поле и спешно набрали несколько тысяч полевых казаков, вызвали также всех князей и бояр, живущих в Путивльской области, их тоже было несколько тысяч. Когда эти последние соединились с казаками, над ними был поставлен воевода по имени Истома Пашков» [6]. Дальше по тексту: «Против этого [крымского] царя великий князь из года в год должен держать своих воинских людей на Оке /об./. Раньше его войско встречало царя у Великого Дона и Донца, у дикого поля, между Крымом и Казанской землей» [6].

Однако не все иностранцы на русской службе называли степь диким полем. Д.Горсей, современник Штадена и Буссова, в «Записках о России» отметил: «Между тем стало известно, что его враги, крымцы, вышли в поле, - это была устрашающая весть для него...» [9, с.56]. Представитель английских деловых кругов Джером Горсей (род. в 1550 г.) с 1573 по 1591 г. находился в России по делам коммерческой и дипломатической службы.

Таким образом, действительно, иностранцы, хотя и не все, пребывая на службе в Русском государстве во второй половине XVI – начале XVII вв. широко употребляли понятие «Дикое поле», в то время как в русских документах фигурировали либо Поле, либо дикие поля в том смысле, о котором говорил В.П.Загорский. Очевидно, что к концу XVII в. лексика документов не изменилась, т.к. города на Поле продолжали строиться, а Белгородский разряд продолжал расширяться. В это же время пустынные пространства в среднем Поднепровье и польские, и украинские источники называли так же без эпитета «дикий». Кроме упомянутых слов Самовидца «пустоширокие степи», укажем еще на два свидетельства.

Французский инженер на польской службе Г.Лавассер-де-Боплан (род. 1595 г.) описывал территорию степного Причерноморья так: «...кочевье татар, которые... бродят то там, то здесь в этих огромных и пустынных равнинах ордами...» [5, с.19], город Кременчуг - «последний город на Днепре, ибо ниже его сплошь расстилается пустынная степь». Места, которые описаны в его произведении, он посетил в 30-40-х гг. XVII в. [5, с. 21].

Польский источник того же времени сообщал: «Я вважав би необхідним для загального блага дозволити козакам вийти на море і це – доконечна потреба самої республіки, щоб це ополчення не займало полів і не забувало давнього способу війни, який згодом нам може бути корисним» [1, с. 123].

В том же духе высказывался и немецкий дипломат С.Герберштейн еще в начале XVI в.: «На пути из Путивля в Тавриду в степи...» [10, с.107], «народ, рассеянно живущий в полях» [10, с.137], «степи, в которых живут татары» [10, с.153]. Следовательно, в начале XVI ст. термин «Дикое поле» не употреблялся ни в России, ни в Западной Европе, и правы те исследователи, которые относят его появление ко второй половине XVI в. в среде иностранных наемников.

Таким образом, употребление в исследовательских работах термина «Поле» обусловлено использованием авторами документальных источников и стремлением приблизить современную терминологию к особенностям изучаемой эпохи. Появление «Дикого поля» в научных работах обусловлено традицией или желанием привнести романтизм, хотя в историческом контексте это выражение представляет из себя тавтологию. Второе рождение

данного термина после второй половины XVI в., видимо, произошло во второй половине XIX ст., когда в историографии усилился интерес к истории степного региона, особенно казачества, и выражение «Дикое» поле приобрело романтический оттенок вместе с частью его полуоседлых обитателей - казаками.

В целом же «Поле» используется для описания сопредельной территории Днепро-Донского порубежья России, современного Центрального Черноземья, однако многие авторы указывают, что Поле простирается на все степные (и часть лесостепных) просторы Волго – Днепровского междуречья, реже его границы указывают на Днестре.

В современной историографии имеется явная тенденция к установлению единого обозначения всей степной и прилегающей к ней лесостепной части Волго-Днепровского междуречья, однако, нет единой точки зрения на этот вопрос. Для XVI - XVII ст. конкурируют понятия «Поле» и «Дикое поле», со стремлением закрепить второе понятие за предыдущей и последующей эпохами как собственное. О степени обоснованности этого было сказано выше. Кроме того, высказываются разные мнения о роли степей в истории сопредельных стран. Наметилась тенденция выделять их в отдельную, т.с. «срединную» область между государствами и степными сообществами с указанием специфических черт, присущих именно данной территории. Однако особенности и размеры этой срединной между поселениями кочевников и восточнославянским пограничьем территории Поля в понимании разных авторов сильно варьируют.

Если ещё в начале XVI ст. к степному пространству на юге в Русском государстве (и в Речи Посполитой) относились утилитарно, и это отразилось в донесениях служилых лиц и воспоминаниях современников, то с началом хозяйственного освоения Поля, учащением разного рода взаимодействий в степи, усиливается и осмысление данного пространства. Тогда в лексике появляется Поле как узнаваемый географический объект, на его особое место в жизни государств обращают внимание современники-иностранцы, что также выражается в изобретении специального термина. С накоплением документальных материалов и исследований в современных исторических трудах, феномен Поля становится более заметен, лучше характеризует жизнь людей той эпохи, с чем в какой-то мере связано возвращение в историографию новистики данного понятия.

Резюме. *Чепига Г.Г. О проблеме «Поля» в историографии.*

В статье рассматривается проблема употребления в научной литературе понятий «Поле» и «Дикое поле», а также трактовки этих терминов для обозначения определенных территорий. Как следует из приведенного материала, эти понятия не идентичны, и могут применяться в различном контексте. Термин "Поле" имеет документальное происхождение. "Дикое поле" в историографии используется либо параллельно, либо несет дополнительные оттенки смысла, не всегда четко определенные и менее обоснованные. Данное обстоятельство сближает его с художественным образом, не всегда отвечающим исторической действительности.

Ключевые слова: «Поле», «Дикое поле», татарские набеги, Днепро-Донское междуречье, степь, историография, пограничье.

Резюме. *Чепига Г.Г. Про проблему «Поля» в історіографії.*

В статті розглядається проблема використання в науковій літературі понять «Поле» та «Дике поле», а також відповідності цих термінів певним територіям. З наведених даних випливає, що ці поняття не тотожні, і можуть застосовуватись як різні за змістом. Термін «Поле» має документальне походження. «Дике поле» в історіографії використовується або поряд з першим, або має додаткові значеннєві відтінки, не завжди чітко визначені і недостатньо обґрунтовані. Вказана обставина наближує його до художнього образу, що не завжди виправдано.

Ключові слова: «Поле», «Дике поле», татарські напади, Дніпро-Донське межиріччя, історіографія, прикордоння.

Summary. *Chepiga G.G. About the problem of "Fields" in the historiography.*

The problem of using the terms "Field" and "Wild Field" in the scientific literature as well as interpretations of these terms to refer certain territories are considered in the article. As it follows from the above material, these concepts are not identical, and they can be applied in different contexts. The term "Field" has a documentary origin. "Wild Field" is used either in parallel or provides additional shades of meaning not always clearly defined and less reasonable in the historiography. This fact brings it with an artistic image, not always responsible to the historical reality.

Key words: *«Field», «Wild field», Tatar raids, the area between the Dnieper-Don steppe, historiography, borderlands.*

Литература:

1. 1648 рік. 21 березня. Лист до короля Владислава IV гетьмана коронного М.Потоцького про становище на Україні. Початок повстання (уривок). // Історія України в документах і матеріалах / Відп. ред. С.М.Белоусов. - К., Видавництво Академії наук УРСР., Т. III – 1941. - С122-124.
2. Багалей Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. / Д.И. Багалей. - Киев: Типография Г.Т.Корчак-Новицкого, 1889. – 117 с.
3. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д.И. Багалей – М. : Тип. университета, 1887. – XVI; 614 с.
4. Беляев И. О сторожевой и станичной службе на польской окраине Московского государства / И.О.Беляев – М. : Тип. университета, 1848. – 86 с.
5. Лавассер-де-Боплан Г. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании // Страна казаков / Под ред.. Г.Я.Сергиенко. - К.: «Радуга», 2004. – 215 с.
6. Буссов К. Московская хроника 1584–1613. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/21/f38e4d20bbb74ae5a082d60f4926d938169ae769.pdf>
7. Бутенко Ю. А. Дикое Поле в период раннего средневековья (середина V -середина XI вв. н. э.) / Ю. А. Бутенко. -Х. : Литера Нова, 2014. - 560 с.
8. Волков В. А. Ратные подвиги Древней Руси / Владимир Волков. - М. : Эксмо : Алгоритм, 2011. - 656 с.
9. Гарсей Дж. Записки о России. XVI - начало XVII в. // Под ред.. В.Л.Янина.- М.:Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
10. Герберштейн С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – С.-Петербург, В типографии В.Безобразова и комп., 1866. – 229 с.
11. Дике поле [Електронний ресурс] / Історія України з давнини до початку XXI століття. Термінологічний словник. Режим доступу: <http://www.history.vn.ua/book/history1/mru5v.html> (08-10-2016).
12. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1969. – 304 с.
13. Загоровский В. П. Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж: из-во Воронеж.ун-та, 1980. – 238 с.
14. Зенченко М.Ю. Южные уезды России в конце XVI - первой четверти XVII века : Формирование административно-территориального устройства: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / М.,Ю. Зенченко. - М., 2005. - 265 с. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/yuzhnye-uezdy-rossii-v-kontse-xvi-pervoi-chetverti-xvii-veka-formirovanie-administrativno-te>
15. Каргалов В.В. На степной границе / В.В.Каргалов. – М.: Издательство «Наука», 1974 . - 183 с.

16. Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы / Н.А. Комолов. – Ростов-на-Дону: «Ростиздат», 2009. – 257 с.
17. Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном . // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред.: Сергей Геннадиевич Бочаров. – Кишинев: StratumPlus, 2015. – С.411 - 478.
18. Курбатов О.А. Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 71-83. <http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5> (11.06.2014)
19. Кушнарев С.С. Южное порубежье Российского государства в конце XVI XVII вв. – (на примере Среднего Поосколья): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / С.С. Кушнарев . – Харьков, 2015. – 280 с. Режим доступа: <http://history.karazin.ua/themes/history/resources/57863ab0a3983f8072f938cb40f7384f.pdf> (09.10.2016)
20. Папков А.И. Днепро-Донская лесостепь как этноконтрастная зона: Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство [Электронный ресурс] // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. – 2014. - Том 1. - Выпуск № 1. - С. 106 126 Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/dnepro-donskaya-lesostep-kak-etnokontaktnaya-zona-rossiya-rech-pospolitaya-i-krymskoe-hanstvo> (08-10-2016)
21. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века)./ А.И. Папков - Белгород : Изд-во «КОНСТАНТА» 2004. – 352 с.
22. Полубояров М.С. О терминах «Дикое поле» и «Засечная черта» [Электронный ресурс] // Низовые и заволжские города в системе обороны Русского государства в XVI – начале XVIII вв. - 2012. - . Режим доступа: <http://inpenza.ru/history/16-rusgos/004.php> (10.10.2016)
23. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. / Пронштейн А.П. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1961. – 377.
24. Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского / Скальковский А. А. – Одесса : В городской типографии, 1841. – 437 с.
25. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли войска Донского / В.Д. Сухоруков - Новочеркасск : «Частная донская типография», 1903. - 473 с.
26. Танцюра В. І., Пересада О. О. Військово-стратегічне значення Слобідської України у XIV - першій половині XVII ст. / В. І. Танцюра, О. О. Пересада // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2014. - № 1119. – С. 6 – 18.
27. Чепухин А.Г. Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилацких людей XVII века) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 156-416. <<http://www.milhist.info/2014/08/04/cheruxin>> (04.08.2014)
28. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Staden/frameset3.htm>
29. Щербак В.О. Дике поле [Электронный ресурс] // Енциклопедія історії України: Т. 2: Г-Д / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. - К.: В-во «Наукова думка», 2004. - 688 с.: іл. – Режим доступу: http://www.history.org.ua/?termin=Dyke_pole (08-10-2016).